

УДК 130.2.796

АГОН КАК ИММАНЕНТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Е.Я. РЕЖАБЕК

(Южный федеральный университет),

М.А. БОГДАНОВА

(Педагогический институт Южного Федерального университета)

В статье защищается тезис об агональности как фундаментальной характеристике древнегреческой культуры. Состязательность проникает во все сферы социальной жизни, выступая системообразующим принципом существования греческого общества. Обретение спортивной агональностью высокого статуса связано с особенностями греческой когнитивности.

Ключевые слова: спортивная агональность, агон, Олимпийские игры.

Введение. Одним из самых ярких общественных форумов в мире, привлекающим внимание наибольшего числа людей на планете Земля, являются Олимпийские Игры. Всем известно, что родоначальниками Олимпийских Игр были греки. Но необходимо отметить, что сами греки не использовали такое древнейшее понятие, как «игры», для обозначения своих спортивных праздников, они называли (и называют по сей день) свои состязания-праздники *агонами*.

Целью данной работы является раскрытие агональности как фундаментальной характеристики античной культуры и уяснение причин, почему именно спортивному агону придавалось такое беспрецедентно высокое значение.

Агон как системообразующий принцип древнегреческой культуры. К сожалению, история не сохранила данных о том, какими были самые первые эллинские агоны. Однако достоверно известно, что первые эллинские гимнические агоны, то есть музыкально-поэтические состязания, были проведены еще задолго до первых Олимпийских игр.

Древнегреческое слово «агон» как выражение состязательного, спорного и противоречивого начала включает в себе фундаментальную характеристику всей древнегреческой культуры. Крупнейшие исследователи и знатоки греческой культуры Я. Буркхардт, В. Буркерт, Г.П. Драч, А.И. Зайцев, Ж. Лиотар, А.Ф. Лосев, Е.Я. Режабек, И.Е. Суриков, Ф. Ницше и другие авторы, не колеблясь, использовали категорию агональности для анализа специфики социального строя, хозяйственного уклада, ментального строя и своеобразия культуры древних греков.

Наиболее полным социальным выражением агональности был древний родовой строй, который органически сочетал в себе игровую состязательную деятельность с интересами обеспечения целостности общины. Эти соревнования, например некоторые спортивные поединки, могли быть суровыми, жестокими, но все они в итоге работали на сохранение и совершенствование целостности общины и человека, воспитывая в нем крепость тела и духа, сочетающуюся с беспредельной преданностью своему роду.

В соответствии со сценарием состязания в Древней Греции проходили все важнейшие социальные процессы. «Ни один народ не сознавал в такой мере, как греки, необходимость напряжения всех сил для создания чего-либо выдающегося. Самым же естественным у них стимулом для этого являлось соревнование в форме агона, который придавал неумолимому закону права сильного известное идеальное освещение. Этот принцип соревнования распространялся на все возможные области жизни, от самых возвышенных проявлений до самых низменных, и создавал все новые формы» [1, с. 115].

В соответствии с агональным принципом шло становление не только античной философии и искусства, решались проблемы устройства полисных отношений, но и повседневная, обыденная жизнь древних греков и римлян была пронизана агональностью: разнообразные празднества, вакханалии, зрелища. Древнегреческий «агон» находит свое выражение в мифологии, в идее военного противоборства как необходимого элемента исторического движения в понимании Геродо-

та, Фукидида и Ксенофонта. Космологические идеи Гераклита, Эмпедокла, Парменида трактуют борьбу и противоречие как важнейший онтологический принцип мироустройства. Существенным образом «агональное» начало проявляется и в философии Сократа, где противопоставляется истинное знание и неистинное мнение, выделяется противоречивость и парадоксальность природы человеческой добродетели.

Принципу состязательности с его строгими нормативными предписаниями подчинялись соревнования политических ораторов в народных собраниях, судебно-процессуальные споры истцов и ответчиков, театральные спектакли и зрелища. Всем участникам предоставлялись равные исходные условия и возможности, они признавались равными претендентами на призовые места, и им необходимо было в максимальной степени использовать открывавшиеся возможности и собственные личные резервы, не прибегая при этом к аморальным и противоправным уловкам. То есть фактически состязание выступало как практическое средство воплощения принципа справедливости, позволявшего победить сильнейшему и талантливейшему.

Дух соревновательности способствовал развитию творческих наклонностей древних эллинов, позволял им реализовывать свои творческие способности и задатки с пользой для себя и социума, укреплял основы цивилизованного общежития. Социуму как таковому было, в сущности, не важно, кто именно из эллинов побеждал в том или ином состязании. Важно было, чтобы в атмосфере напряженной честной состязательности проявлялись лучшие человеческие качества и повышался уровень цивилизованности общественной жизни. Агон почитался как божество, его изображение в числе других божеств выставлялось в Олимпии, а также использовалось при чеканке монет.

Олимпийские игры, в которых агональность проявляется в своем чувственно-телесном облике, становится мощным фактором культурного процесса, выходящего далеко за пределы античного мира и превращающегося в общечеловеческую ценность и явление мировой культуры. Сократ, участвовавший в Истмийских играх, восхищался физическим совершенством атлетов и порицал тех, кто не уделяет должного внимания своему физическому развитию. В молодости неоднократно в соревнованиях борцов принимал участие и Платон, побеждая в Пифийских, Немейских и Истмийских играх. В диалоге «Государство» Платон настаивал на необходимости гимнастических упражнений для всех граждан полиса. В Греции не было ни одного города, где не было бы сооружений для тренировок, большая часть трактатов по физиологии спорта до настоящего времени не сохранилась, но очевидно, что именно в Древней Греции были заложены основы спортивной медицины и спортивной психологии. Известны такие слова Аристотеля: «Об искусстве управления кораблем пишут больше, чем о подготовке атлетов, потому что управление кораблем пока еще не стало хорошо собранным знанием» [цит. по 2, с. 176].

На время Олимпийских игр греческие государства должны были прекращать военные действия, которые могли бы помешать нормальному ходу игр, и, хотя это правило неоднократно нарушалось, никто не подвергал сомнению правильность подобного закона.

Олимпийский герой увозил венок с собой на родину. Возвращение олимпионика домой выливалось в подлинный триумф.

Архилохова песнь,
Звучащая в Олимпии,
Победная хвала,
Тройственная и ликующая,
Довлела Кронову холму

Для шествия Эфармоста с любезными его друзьями [3, с. 40].

Одетый в пурпурные одежды, в сопровождении родных и друзей, он въезжал в родной город на колеснице, запряженной белыми конями. Нередко при встрече олимпионика земляки разрушали часть городской стены в знак того, что полису, имеющему таких славных героев, не страшны никакие враги и не нужны крепости. Полис до конца жизни одаривал победителя почес-

тями. Его избирали на самые почетные должности, закрепляли за ним лучшее место в театре, кормили за счет казны, освобождали от налогов. В Спарте олимпиец удостоивался чести сражаться на войне рядом с царем. Видные греческие поэты посвящали олимпийцам стихи, их имена высеклись на камне, изображения чеканились на монетах. Тем, кто побеждал на Играх не менее трех раз, ставили статуи лучшие скульпторы. Особых почестей удостоивались периодоники — победители всех панэллинских соревнований, проводившихся в четырехлетний период Олимпиады. Периодониками были Милон из Кротона, Феаген из Фозоса, Диагор с Родоса, Пифагор из Магнесия, дважды получивший этот титул, и другие.

Особый статус спортивного агона. По каким же причинам в Древней Греции, где состязательностью была пронизана вся жизнь общества и где эта состязательность выступала в самых разнообразных формах, именно спортивные агоны завоевали особый статус и им придавали беспрецедентно высокое значение, а победители-спортсмены получали такую высокую популярность, что оказывались фактически в одном ряду с божествами и героями греческих мифов?

По всей видимости, спортивная агональность заключала в себе индивидуальные и коллективные смыслы, аутентичные античной цивилизации. Каковы же эти смыслы?

Интересные рассуждения, почему спортивные состязания должны были, в сравнении с другими состязаниями, обладать определенными преимуществами и в чем же эти преимущества состояли, приводит Н.Н. Визитей. Исключительный интерес греков именно к атлетическим агонам Визитей выводит из особенной способности греков к философии и поискам объективной основы мира. Известно стремление греков получить точные и всеобъемлющие знания о мире, их первые научные интенции были связаны с попыткой определить некую первосубстанцию – первооснову мира, что послужило источником возникновения первых философских школ. За миром текучих и непостоянных вещей греки хотели видеть объективные законы, определить неизменные принципы бытия, посредством которых можно было бы упорядочить мир, в котором они жили и, опираясь на которые, стало бы возможным гармонизировать свои отношения с этим миром. Однако точное знание мира предполагает столь же точное знание себя и, не в последнюю очередь, – определение места каждого в социуме. Спортивное состязание позволяет *максимально объективно*, в простой и зримой форме решить эту проблему. «Простота» и очевидная «несодержательность» спорта по сравнению с другими деятельностями была существенной предпосылкой указанной точности, предпосылкой объективного и точного ответа на вопрос: кто в данный момент является лучшим и на какое место в общественном устройстве он вправе претендовать. Спортивное состязание давало несравненно более однозначный, чем любое другое состязание, ответ на вопрос, кто же действительно является лучшим.

Известно, что в спорте греки воздавали лавры победителя только тому, кто оказывался первым. Те же, кто занимал в спортивном состязании второе или третье место, греков, по сути, интересовали мало. В то же время имеются свидетельства, что в соревнованиях хоров, риториков, драматургов или исполнителей на музыкальных инструментах внимание заслуживали и те, кто оказывался и на второй, и на третьей позициях. «Что стоит за такого рода различием в подходах, в соответствии с которыми подводится итог состязания? В значительной мере, несомненно, то обстоятельство, что практически во всех агонах, кроме спортивного, оценка лучшего неизбежно имела существенно более *субъективный характер*. Второй и третий результаты сами по себе значительного интереса и восхищения при этом обычно не вызывали. Грека, как мы отметили, интересовал в принципе *только победитель*. Но победитель, определенный сугубо *объективно*, с максимальной точностью. Именно из желания быть точным, из *опасения ошибиться* грек считал целесообразным в таких соревнованиях, как, скажем, исполнительское мастерство, проводить специальное выделение не только победителя, но и тех, кто в соответствии с оценкой компетентных судей несколько уступал победителю, кто показывал более скромные результаты» [4, с. 185].

«Спорт, таким образом, открывал уникальную и страстно желанную для каждого грека возможность – *максимально точно самоопределиться в общегреческом масштабе*, при этом самоопределиться *публично*» [там же].

Ответить на вопрос о причинах, по которым именно спортивные агоны утвердились в греческом обществе в качестве ведущих, можно, опираясь и на фундаментальные исследования, посвященные выявлению особенностей античной когнитивности. Когнитивность гомеровской эпохи, в которой рождается и приобретает свои развитые формы спортивная агональность, мы определяем как додискурсивную. Среди признаков данного типа когнитивности называется способность эйдетического восприятия действительности, для которого характерны особенная восприимчивость к чувственным впечатлениям и фиксация внимания на внешних, «телесных» образах. «В сознании фиксируется все яркое для ощущения, все острое и выразительное для чувственного восприятия. Сосредоточенный на чувственной стороне вещей ум был «бесконечно внимателен» (А.Ф. Лосев) к фиксации всего внешнего, в равной мере описывая и существенное, и несущественное» [5, с. 165]. Спортивные состязания, сопровождаемые высоким накалом чувств и эмоций, безусловно, отвечали потребностям душевной жизни греков с особым строем их когнитивной организации в конкретной зримости и чувственной осязаемости мира. О склонности и способности людей архаических эпох видеть в чувственно-материальном нечто идеальное, с которыми современный человек практически расстался, известно из фундаментальных исследований (Л. Леви-Брюль, Б. Снелль, М. Бахтин, С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев). М.М. Бахтин пишет: «Наше «внутреннее» для грека рассматривалось в одном ряду с нашим «внешним», то есть было так же видимо и слышимо и существовало вовне для других, так же как и для себя. В этом отношении все моменты образа были однородными» [6, с. 285]. Скажем, о храбрости у Гомера можно читать очень много, но считать ее нравственной добродетелью едва ли возможно, потому что она у него ничем не отличается от физической силы. Различить *alkimos* – «сильный», «храбрый» и *iphtimos* – «физически сильный» практически невозможно. Точно так же *kalos* грек относит преимущественно к телу. В свою очередь, «душа» выступает как стихийно-физический процесс. С этой точки зрения, которая воспроизводит ментальный строй архаического сознания, ни «душа», ни «ум», ни «честь», ни «мудрость» не содержат чего-нибудь духовного, они всецело телесны. Для грека физическое и психическое неразличимы, что приводит к приписыванию психическим состояниям и качествам телесного пространственного бытия. Из повествования о приключениях Одиссея мы узнаем, что Афина «проливает» красоту на Одиссея, как будто красота – это некая вещественная субстанция.

Интересные размышления, которыми так же, по-нашему мнению, можно объяснить небывалый интерес греков к внешней, телесной стороне бытия и к спортивной агональности, мы находим у М. Элиаде, который связывал их с особенностями религиозного сознания греков. Греческая религия выглядит пессимистической: человек недолговечен, и его жизнь полна невзгод и разного рода испытаний, его участь изначально предопределена Мойрой, которая прядет нити его судьбы. Перечень человеческих несчастий очень длинен: бедность, болезни, старость, смерть близких и т.п. В связи с этим показательна история, которую приводит Геродот о том, как Аполлон внял мольбе простой матери, которая отличалась большой набожностью и молила наградить ее набожность наивысшим даром, который он может послать ее детям: ее дети умерли мгновенно и без всяких мучений. Не мог человек надеяться и на радости загробной жизни, современникам Гомера загробная жизнь виделась тягостным и жалким существованием в мире теней Аида. «Следовательно, имеет смысл наиболее полно пользоваться такими его благами, как молодость, здоровье, удовольствие плоти или радость, даруемые добродетелью. Таковы уроки Гомера: жить исключительно – но и благородно – настоящим» [7, с. 325]. Столь трагический взгляд на человеческую природу и мир парадоксальным образом не привел к умалению творческой мощи греческого гения, а, напротив, привел к ее возвышению. Поскольку боги положили предел человеческим возможностям, грек начал превозносить и даже обожествлять проявления чисто человеческого

существования. «Иными словами, он вновь открыл для себя сакральный смысл «радости бытия», религиозную ценность эротики и телесной красоты, сакрализовав все коллективные развлечения – игры, процессии, танцы, песнопения, спортивные состязания, драматические действия, застолья» [там же]. Но Элиаде пишет, что «радость бытия», познанная и испытываемая греками, характеризуется отнюдь не профанными свойствами, «ее порождает блаженное чувство следования, пускай скоротечного, вселенскому закону и причастности к величию мироздания» [7, с. 326]. Греки, считает М. Элиаде, как и многие другие народы, осознали, что победить неукротимость времени можно, только *полнее* проживая каждое мгновение жизни, стараясь максимально использовать те возможности, которые открываются человеку. Очевидно, что для успешного продвижения и культурного прогресса нужен не столько оптимистический взгляд на мир, сколько интерес и позитивное отношение к повседневным конкретным усилиям.

Несколько другие акценты в прояснении вопроса об особом месте спортивного состязания в культуре древних греков ставит А. И. Зайцев в фундаментальном исследовании «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.». Греческое общество от архаики до классики, считает Зайцев, относится к числу компетитивных обществ, «в которых важное значение имела установка индивида на то, чтобы превзойти окружающих в достижении своих жизненных целей» [8, с. 81].

Как известно, духовная жизнь любого общества, помимо прочего, определяется степенью жесткости и формами общественного контроля над поведением индивида.

В связи с этим в рамках типологии культур, которую в свое время (XIX век) ввел Я. Буркхардт и которая получила широкое хождение в англо-американской литературе, выделяется «культура стыда» (shame-culture) и «культура совести» (guilt-culture). Греческая культура тяготеет, безусловно, к первому типу. Здесь поведение индивида во многом разворачивается в связи с той оценкой, которую дают ему окружающие, – в соответствии с их одобрением или порицанием. «Самая грозная моральная сила, известная гомеровскому человеку – это не страх божий, но стыд (Αἰδώς) с оглядкой на общественное мнение: «О! Стыжуся троян...» – восклицает Гектор в роковой момент своей жизни и открыто идет на смерть» [9, с. 27]. Доддс считает так же, что и категории «прекрасный» и «безобразный» типичны для культуры «стыда», поскольку показывают не то, что действие приносит какому-то лицу добро или зло или что оно правильно или неправильно в глазах божества, но что оно выглядит прекрасным или безобразным перед лицом общественного мнения. Согласно исследованиям, в качестве важнейшего мотива действий в культуре «стыда» выступает подражание лучшим. Высокая оценка со стороны достойных людей является лучшим свидетельством высоких качеств человека, стремясь к славе и почету, человек посредством этого стремился убедиться в своей добродетели. Греки не считали постыдным открыто демонстрировать свои заслуги или какие-то другие свои преимущества, например, физическую красоту, говорить об этом во всеуслышание, а также высмеивать того, кто потерпел поражение или неудачу. Телесная красота была престижна, и нагота не вызывала чувство стыдливости. Известна история о знаменитой афинской красавице-гетере Фрине, послужившей ваятелю Праксителю натурщицей для создания богини любви «Афродиты Книдской» (350–330 гг. до н. э.).

Согласно рассказам античных авторов, Оратор Евфий (Евтиас), ею отвергнутый поклонник, обвинил гетеру в безбожии. Защитником гетеры стал знаменитый оратор Гиперид. Увидев, что его речь не производит на суд должного впечатления, он сдернул с Фрины её одежды (по другим текстам, обнажив ее только до пояса, или одежды сбросила сама Фрина, по знаку защитника). Красота произвела такое сильное впечатление на судей, что её оправдали — ведь согласно греческим представлениям о прекрасном, столь совершенное тело не могло скрывать несовершенную душу (концепция калакагии). В источниках упоминается, что предстала она перед Гелией — афинским судом присяжных (Heliaea), а не перед ареопагом (судебный орган, судивший только за убийства), но французский художник Жан-Леон Жером назвал свою картину «Фрина перед ареопагом», для большей выразительности [10].

У Гомера Одиссей перед всеми похваляется своими умениями в метании копья и считает, что никто не делает это лучше, чем он. Он же заявляет, что слава его достигает неба. Зайцев отмечает, что поведение человека определялось тем, насколько он приблизился в своем поведении к принятым в его социальном окружении представлениям о доблести (аретѣ). Часто в нашей литературе слово «арете» (аретѣ) переводится как добродетель, но на самом деле это многосторонняя способность человека, которая придает обладающему ей божественные черты. «Имеются в виду как физические способности, а именно быть хорошим воином, бегуном и танцором или быть красивым, так и душевные, а именно уметь играть на лире, водить корабли, уметь обращаться с предметами роскоши и быть порядочным, верным, короче, иметь "хорошую диафрагму" (Phren)» [11, с. 105]. Разумеется, этические и эстетические взгляды древних греков существенно отличаются от современных: чисто идеальная добродетель, явно находящаяся в противоположности к телесной, физической совершенно немыслима для древних греков. Такие этические понятия, как доблесть, мужество, честь наполнялись в те времена совершенно иным содержанием и в сознании эллинской аристократии гомеровского и классического периодов во многом определялись физической силой, выносливостью и, наконец, телесной красотой. Но определялись не изолированно, но в сочетании с высокими нравственными качествами. «Теперь мы должны отметить важную дополнительную деталь: стремление к арете носит отчетливо выраженный соревновательный характер, и положение человека определяется в гомеровском обществе не просто соответствием его поведения представлениям об арете, но систематически оценивалось в сравнении с аналогичными усилиями и достижениями тех, кто сравним с ним по общественному положению» [8, с. 82]. В «культуре совести» принят иной вариант организации социальной жизни; здесь на первый план выступает внутренняя система ценностей, и для индивида решающее значение приобретает собственный «суд совести», который определяет соответствие поведения этой системе. «Культура совести» предполагает высокий уровень внутренне свободной личности, способной на ответственные поступки, поскольку только тот, кто способен на ответственные поступки, может испытывать муки совести и признавать себя виноватым. В связи с этим можно сказать, что греки не знали чувства вины, человек, согласно мифу, был ареной действия божественных сил, следовательно, вина для них была объективным событием в том же смысле, как и болезнь. Из отечественных культурологов подобной позиции придерживается И.Д. Рожанский: «Чувство внутренней греховности было чуждо грекам. Но им в высшей степени было присуще чувство стыда перед гражданами» [12, с. 284].

Вывод. Наши рассуждения привели к следующему положению: ментальный строй античного человека был устроен таким образом, что выдвинул спортивную агональность в качестве интегративного принципа своеобразия греческой культуры и ее впечатляющих цивилизационных достижений.

Библиографический список

1. Баумгартен Ф. Эллинская культура / Ф. Баумгартен, Ф. Поланд. – М., 2000.
2. Гутман А. От ритуала к рекорду / А. Гутман // Логос. – 2009. – № 6 (73).
3. Пиндар. Олимпийские песни. Песня 9. 1 с. / Пиндар // Пиндар. Оды. Фрагменты / Пиндар, Вакхилид. – М.: Наука, 1980.
4. Визитей Н.Н. Курс лекций по социологии спорта: учеб. пособие / Н.Н. Визитей. – М.: Физическая культура, 2006.
5. Режабек Е.Я. Мифомышление. Когнитивный анализ / Е.Я. Режабек. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
6. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975.
7. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде; пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. – М.: Академический проект, 2008.

8. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. / А.И. Зайцев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
9. Доддс Е.Р. Греки и иррациональное / Е.Р. Доддс; пер. с англ. М.Л. Хорькова. – М.; СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга; Культурная инициатива, 2000.
10. Википедия. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 12.03.11).
11. Хюбнер К. Истина мифа: пер. с нем. / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996.
12. Рожанский И.Д. Античный человек: О человеческом в человеке / И.Д. Рожанский. – М.: Политиздат, 1991.

Материал поступил в редакцию 29.04.11.

References

1. Baumgarten F. E`llinskaya kul`tura / F. Baumgarten, F. Poland. – M., 2000. – In Russian.
2. Gutman A. Ot rituala k rekordu / A. Gutman // Logos. – 2009. – # 6 (73). – In Russian.
3. Pindar. Olimpijskie pesni. Pesnya 9. 1 s. / Pindar // Pindar. Ody`. Fragmenty` / Pindar, Vaxilid. – M.: Nauka, 1980. – In Russian.
4. Vizitej N.N. Kurs lekcij po sociologii sporta: ucheb. posobie / N.N. Vizitej. – M.: Fizicheskaya kul`tura, 2006. – In Russian.
5. Rezhbek E.Ya. Mifomy`shlenie. Kognitivny`j analiz / E.Ya. Rezhbek. – M.: E`ditorial URSS, 2003. – In Russian.
6. Baxtin M.M. Formy` vremeni i xronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poe`tike / M.M. Baxtin // Voprosy` literatury` i e`stetiki. Issledovaniya razny`x let. – M., 1975. – In Russian.
7. E`liade M. Istoriya very` i religiozny`x idej: Ot kamennogo veka do e`levsinskix misterij / M. E`liade; per. s fr. N.N. Kulakovej, V.R. Rokityanskogo, Yu.N. Stefanova. – M.: Akademicheskij proekt, 2008. – In Russian.
8. Zajcev A.I. Kul`turny`j perevorot v Drevnej Grecii VIII–V vv. do n.e`. / A.I. Zajcev. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. – In Russian.
9. Dodds E.R. Greki i irracional`noe / E.R. Dodds; per. s angl. M.L. Xor`kova. – M.; SPb.: Moskovskij filosofskij fond; Universitetskaya kniga; Kul`turnaya initsiativa, 2000. – In Russian.
10. Vikipediya. [E`lektron. resurs]. Rezhim dostupa: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrasheniya 12.03.11). – In Russian.
11. Xyubner K. Istina mifa: per. s nem. / K. Xyubner. – M.: Respublika, 1996. – In Russian.
12. Rozhanskij I.D. Antichny`j chelovek: O chelovecheskom v cheloveke / I.D. Rozhanskij. – M.: Politizdat, 1991. – In Russian.

AGON AS AN IMMANENT CHARACTERISTIC FEATURE OF ANCIENT GREEK CULTURE

E.Y. REZHABEK

(Southern Federal University),

M.A. BOGDANOVA

(Pedagogical Institute, Southern Federal University)

The thesis of agonality as the fundamental characteristic of the Classical Greek culture is supported in the article. Competitiveness as the system-forming principle of the Greek society penetrates all spheres of the social life. Acquisition of high status by agonality is connected with the Greek cognitive peculiarities.

Keywords: sport activity, agon, Olympic games.